

ШУКШИН рано попал в сильное и устойчивое течение жизни. Он занимался многими полезными делами. Дела были мало похожи. Но жизнь Шукшина нельзя делить на периоды «до искусства и в искусстве». Это пустое занятие. Все в его судьбе было сцеплено, туго стянуто, как бревна прочного плота.

Тревога и поиск способов самовыражения говорили о Шукшине прежде всего как о борце. Он был достойным сыном века, а не модной его жертвой, что, как ни странно, удобней.

Если говорить о Шукшине, то нужно знать такой факт: только в первые дни после его смерти в Москву, в квартиру Шукшиных, в Комитет по кинематографии пришло свыше 160.000 писем. Писем людей, потрясенных его внезапным уходом из жизни. На его могиле на Новодевичьем кладбище среди цветов и кистей красной каллины также можно было увидеть открытки, листки из тетрадей, блокноты со словами прощания и горького недоумения.

Если мы сможем объяснить этот факт — 160.000 писем чужих, незнакомых людей, мы сможем объяснить что-то очень важное в нашей жизни.

Когда умершего Шукшина отправляли в Москву с места съемки фильма «Они сражались за Родину» и самолет уже стоял на полосе, готовый к вылету, люди потребовали: пока все не простытся с Василием Макаровичем — не закрывать крышку цинкового гроба!

Никто не способен завоевать по-настоящему глубокую любовь и прочную славу благодаря лишь удачному стечению обстоятельств. И если слава и известность человека не вызывают в сердцах людей чувства благодарности за свершенное — век славы короток. Известность умирает с умершим.

Нам еще не раз придется задавать вопрос: в чем сила Шукшина? В чем притягательность его натуры?

Я не владею суммой готовых ответов на эти и другие вопросы — их задают люди в письмах в редакцию, задают журналисты во время командировок. Но гласный поиск ответов на эти вопросы необходим. Может быть, они будут разными — ответы. Скорее всего. Зато они помогут нам полнее и глубже представить, выявить фигуру Шукшина, проникнуть в суть феномена: категоричного, прочного и повсеместного интереса к его творчеству миллионов людей.

Честные ответы заставят нас задуматься и над другим трудным вопросом: почему Шукшиных мало?

Василий Шукшин начинал свой путь трудно, и ему никогда не было легко. Он рос в годы войны. Рос без отца, в маленьком селе Сrostки. В четырнадцать лет Василий поступил в Бийский авто техникум, но вскоре его оставил. Мужчин в селе не было. В шестнадцать лет Шукшин стал взрослым и самостоятельным человеком. В год победы, весной 1945-го, он пошел работать в колхоз. Два года он выполнял разные работы на осенних и майских полях. Всю свою дальнейшую жизнь уже в Москве, когда Шукшин стал известным актером, и стал режиссером, и стал лауреатом Государственной премии, и заслуженным деятелем искусств РСФСР, он не порывал связей с алтайской землей. Он не порывал с землей села Сrostки, с людьми, которые там живут сегодня.

Он стал мощной и необычайной личностью в искусстве, конечно, не сразу. Не в один день и не в один год...

В восемнадцать лет он работал слесарем. Это было время послевоенной разрухи. Он работал в Калуге. Затем — во Владимире, на тракторном заводе. В том же качестве: слесарь-тамбачник.

Белый простор мира открылся Шукшину с призывом на службу в Военно-Морской Флот. Физические нагрузки, постоянное напряжение, чистота и аскетичность человеческих отношений, сложная техника — все это, безусловно, имело прямое и сильное влияние на молодого, беспокойного парня. Шукшин овладел специальной радиста. Он служил в ВМФ четыре года. Два самых крупных города страны — Москва и Ленинград открылись ему в годы службы. С тех пор Москва стала магнитом. Лишь за несколько месяцев до смерти для москвича Шукшина Сrostки и Москва, кажется, поместились рядом. Магнитом становились Сrostки. Или место, подобное родному селу.

Шукшин вернулся после службы на Алтай. Видимо, правда заключается в том, что уже в то время он был таким неопределенно мощной внутренней силой. Сила эта, накапливаясь, требовала самовыражения. Об этом говорят разные факты. Например, такой: Шукшин в те годы пытался, но безуспешно, поступить на факультет журналистики в Москве. Его матери Марии Сергеевне пришлось продать корову Райку — на вырученные деньги Вася поехал в Москву. Рассказала об этом корреспонденту «Комсомольской правды» по Алтаю Д. Горбунову сестра Василия Макаровича — Наталья.

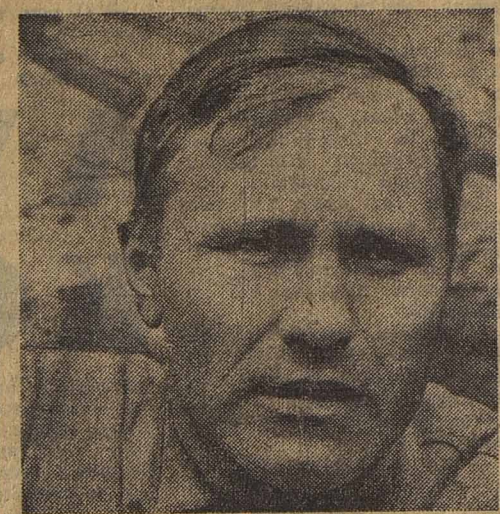
Экзамены за десятый класс он сдал экстерном. В своей же, сrostкинской школе преподавал русскую литературу. Был директором.

В 1954 ГОДУ Шукшин поднял планку на огромную для себя высоту. И взял эту высоту: поступил во ВГИК. Сейчас ходят много благодарных и, замечу, злых басен о внешнем виде абитуриента Шукшина, его неуклюжих манерах. Эти басни до сих пор — топили в карликовых кострах творческого горения некоторых непризнанных кинеманов. Что поделаешь...

Был он действительно неуклюж. Был разгорячен простой и трудной деревенской жизнью. Был и у него срыв. Например, в его личной деле его же рукой с исчерпывающей шукшинской полнотой в графе «выговоры» значится: «Да. За драку с милиционером». Жена Михаила Ильича Ромма, Елена Александровна, говорила мне о стараниях Ромма сориентировать ученика его мастерской Шукшина в непростом городском быте, в сложном мире книг и знаний об искусстве. Михаил Ильич действительно составлял для Шукшина списки работ, которые необходимо было прочитать. Давал ему книги, которые тот не мог нигде достать. О которых, оказывалось, даже не слышал.

Шукшин окончил учение в тридцать лет. Ему, однако, не нужно было начинать по-

вую, главную учебу. Ему не надо было «учиться жизни», что предстояло более молодым коллегам. Но! — в тридцать лет Шукшин, человек конкретных дел, а теперь человек необычайной профессии — режиссер, попал в мир слов и образов. Жизнь в мире слов требует известного опыта. Навыка. Ты можешь утонуть в словах, слова могут размыть твоё здоровое восприятие реального мира — его людей, его трудных дел. Перед

Василий Шукшин

Если говорить о Шукшине

Шукшиным, мне кажется, не могла не встать проблема слова и дела. Можно лишь догадываться о силе его внутренней борьбы. Но можно видеть ее результат! Шукшин, безусловно, познал, вернее, вывел формулу равноценности настоящего слова и настоящего дела — ибо они равны в своей сердцевине.

Если говорить о Шукшине, то следует прийти к выводу: только убежденно, горячо и осознанно уважая свое главное занятие в жизни, можно рассчитывать на удачу в стремлении познать правду и сложность драматического мира людей. Нельзя быть неискренним с самим собой, цинично относиться к своей же профессии, а вот перед людьми казаться и честным и убежденным. Нельзя! — хотя некоторые считают, что можно.

Если говорить о Шукшине, то следует, видимо, подвести сожаления по поводу его позднего прихода в искусство. Мне кажется, приди он в искусство, допустим, кино привычным путем, его мощный талант проявился бы в ином качестве. Наверняка! Он был бы лишен именно шукшинской прозаичности, шукшинского драматизма, мужества, нежности, которые придали ему трудная, поздняя, переконченная личным опытом жизнь.

Шукшин рос от произведения к произведению, ему было что сказать людям, и он знал, как это сказать. Он счастливо избегал судьбы некоторых коллег по искусству, сказавших свое яркое, талантливое слово, но лишь однажды и давно, а потом умолкавших или повторивших сказанное.

Талант Шукшина питала его жизнь, не чужая, уже в чем-то изложенная. Шукшин ориентировался на опыт своей жизни, жизни реальных людей. Его влек рев океана, а не эхо этого рева, шелестящее в пустых раковинах.

Познавая Шукшина не торопясь, основательно и повсеместно, люди в него влюблялись и принимали в свое сердце. Люди отвечали Шукшину глубоким и нарастающим вниманием. Я бы не рисковал писать о своем личном отношении Шукшина, если бы оно не совпало с мнением людей, знакомством с которыми я горжусь. Людей сильных и смелых, выполняющих в жизни конкретную и ответственную работу. Слова некоторых из них привожу.

«Я помню, мы лезли над горами, и каждый член экипажа, кто успел посмотреть «Калину красную», говорил о фильме... Мы говорили так заинтересованно и увлеченно, как будто история жизни Егора Прокудина — ломающая нашу собственную жизнь... Слово мы были его близкими родственниками. Меня ударила смерть Егора. Но я думал: ведь мы видим смерть во многих фильмах. И тут же о ней забываем. А у Шукшина смерть на экране так же трудная, как в жизни. У него и человек на экране живой, как в жизни... Я не искусственно и не могу с фильмом Шукшина, которые меня возмущали сильно и неожиданно — особенно «Печки-ласточка» и «Калина красная». Но я знаю, что у Шукшина во всем — правда. Вернее — не знаю, а чувствую, ощущаю. Я доверчив — не могу. Я сейчас пишу все, что он написал. Чувствую — мне это необходимо: ведь все время хочется над чем-то серьезным думать... Пришли мне все, что достанется...»

Эти слова были сказаны мне по телефону из диспетчерской ереванского аэропорта командиром экипажа «ТУ-134» Владимиром Ильичом Кузьменко. За двадцать минут до вылета... Он позвонил мне в Москву сам, когда ему передала мою просьбу: сказать два слова о Шукшине. Кузьменко — командир экипажа, о котором я рассказывал на страницах газеты в репортаже «Вынужденная посадка». И он и его друзья в тот день, труднейший полет проявили себя как сильные, мужественные люди. Почти в безнадзорной, смертельно опасной ситуации они смогли посадить огромный пассажирский турболайнер на заснеженные поля под Минеральными Водами... Они спасли жизнь 86 пассажирам.

Еще одно признание: «Я не знаю, какое впечатление произвели фильм и рассказы Шукшина на городского жителя. Но в селах, в поселке, где я живу, он словно свой, словно земляк. Сельский житель если кого-то полюбит, примет, то серьезно и глубоко. Но он, как известно, не полюбит на многословную и яркую пустоту. Придет, конечно, посмотрит, но тут же выбросит из головы... А Шукшин... Шукшин не тратил тысячи слов на размышления о пользе правды... Он говорил скучные слова самой правды... Шукшин, я слышал, прожил короткую, но трудную жизнь, учился у нее, у жизни, не выпадал из нее... Жил старательно, авиационно и делая ощущениями и раздумьем с другими. Такими же, как и он».

Так думает Иван Филиппович Шеенко, секретарь сельского райкома партии. Чело-

век трудной судьбы. О его жизни — его юности, когда он чудом избежал участи 600 сожженных фашистами советских людей в здании школы, о его недавней личной драме, его работе я рассказывал на страницах газеты в очерке «Под Прохоровкой».

«У Шукшина в фильмах и книгах есть все, что у других авторов находишь. А у многих из них нет того, что у Шукшина есть. Есть у него способность показывать жизнь точно и неравнодушно... Или так: часто читаешь книгу или смотришь фильм — переживаешь за героя, волнуешься, а не думаешь, голова отдыхает все мимо головы идет. Но вот когда смотришь «Калину красную» или читаешь рассказы Шукшина — начинаешь думать. И странное дело — думаешь не только о героях, а и о жизни вообще и о себе в жизни. Шукшин меня волнует и возбуждает интерес и привычками жизни... Я начинаю размышлять и поглядывать на себя со стороны. Прихожу часто к выводу: у нас с ним одна правда».

Так говорит о Шукшине Владимир Сергеевич Белеенко. Несколько лет назад я рассказывал о его мужестве в репортаже «Экзамени огнем». Во время железнодорожного крушения на маленькой старопольской станции, когда столкнулись на полной скорости два эшелона — нефтеналивной и состав с коксом, он, Белеенко, рискуя жизнью, закрывал горловины горящих цистерн, сбивал с них пламя, чтобы цистерны, еще не взорвавшись, не уничтожили станционный поселок и его жителей...

Вот что хорошо: люди, на которых Шукшин ориентировался, ради которых создавал свои произведения, не опасаясь, ответили ему доверием, откликнулись на главное качество его творчества: правдивость.

«Комсом. правда» 1974, 24 июля.

Если говорить о Шукшине

Мне говорили: Шукшин часто читал написанное, проверял свои замыслы, например, по реакции друзей детства: Ивана Юношова, кочегара в Сrostках, и Сергея Бедарева, тракториста из совхоза «Сrostки», и других... Недооценивать в искусстве профессиональные мнения и оценки — опасно. Но, наверное, в какой-то момент очень много значит умение выражаться из каприза мнений только коллег и встречаться лицом к лицу с теми, кому адресованы труды твоего сердца, ума.

Если говорить о Шукшине, то необходимо, мне кажется, сказать и о том, как отнеслись к просьбе сказать о нем слова памяти некоторые из его известных коллег. Это короткое отступление просто, как я ощущаю, необходимо.

Вот в чем дело: люди, о которых я говорю, не нашли времени на это. Не сегодня и не сию минуту, а в течение нескольких дней. Один известный мастер с интеллигентной обходительностью взял меня под руку и сказал: «Ты говоришь, голубчик, о чаше времени. Да. Но где я его возьму, этот час? Лови меня по телефону». Другой известный кинематографист три дня изыскивал 30 минут, так их и не нашел. Третий... А четвертый сказал: давайте через месяц, другой... Сейчас, когда Шукшин умер и наше искусство понесло тяжелую утрату и мне трудно свыкнуться с мыслью... И мне трудно...

Не могу удержаться: писатель Георгий Радов позвонил в «Комсомольскую правду» из больницы и, узнав, вернее, убедившись в смерти Шукшина, о которой только услышал, нашел горячие, умные, сильные слова и сказал их о Шукшине тут же с помощью газеты миллионам людей.

Итак, я попросил некоторых коллег Шукшина сказать о нем, а получилось, что они сказали о себе. Наверное, каждый из них, в сущности, хороший и добрый человек. Наверное, подумав лишнюю пару секунд, он остановился бы в бесконечной своей суете, схватился бы за голову: что же это я! Ведь речь идет о моем товарище! О надежде нашего искусства! Но, однако, они не остановились и не подумали. И их и не упрекаю теперь. Сместо их в этом упрекать. Но на фильмах этих людей, пусть прекрасные фильмы, в которых они будут говорить о нравственности, порядочности, других безусловных ценностях жизни, лично я не пойду. Хочу надеяться, что моя категоричность будет правильно понята. Я буду помнить и другой факт, из того же ряда: на кладбище, после похорон Василия Макаровича Шукшина, всем хватало места в автомобилях, всех разместили и увезли, никого не оставили. Кроме одного близкого и сломленного утратой человека...

Не стал бы делать этого отступления. Но, помните, в начале материала я говорил о том, как люди порой останавливаются в наборе высоты и, однажды забыв о себе, потом до самих себя не умеют подняться? Нет ли связи между творчеством и жизненными проявлениями, о которых я сказал? Не ведут ли они к «творческой» суете?

Время на разговор о Шукшине нашли, разумеется, многие. В этом материале я хотел бы остановиться на своих встречах с народными артистами СССР С. А. Герасимовым и Ю. В. Никулиным.

Пожалуй, здесь нет необходимости приводить наши беседы полностью. Оба эти художника, как и другие — писатели, актеры, режиссеры, — наверняка еще не раз выступят с анализом творчества Шукшина, с рассказами о нем, его скромности, застенчивости, твердости, правдивости... Но главные оценки, точно подмеченные черты Шукшина, сделанные С. Герасимовым и Ю. Никулиным, который снимался с собой вместе с Шукшиным в фильме С. Бондарчука «Они сражались за Родину», я приведу. Тем, кто любит Шукшина и ищет о нем свидетельства на близких ему людей, оценки эти помогут полнее представить его фигуру.

«...Так вот, если говорить о Шукшине, — сказал С. А. Герасимов, — то я думаю, что сама его натура остается наиболее существенной стороной его наследия... Шукшин — художник необыкновенной отзывчивости. Отзывчивости на самые разные факты жизни, независимо от их масштабов. Это, мол, крупный факт очень, а это мелкий, недостойный внимания художника. Все Шукшина интересовало, на все он откликался. Он

постоянно, — рассказывает С. А. Герасимов, — писал, постоянно все подмечал. Он был плодотворен, против современной литературной традиции... Считается, что при повышенной работоспособности начинает срабатывать система урона, просчетов... Шукшин быстро реагировал на целый ряд разнообразнейших явлений и фактов окружающего мира. И вследствие огромного таланта, который ему природа дала, и этой вот необыкновенной отзывчивости он выражал на бумаге и на экране то, чем живет человек сегодняшнего дня, что его особенно волнует, злит, радует...

«На приемных экзаменах во ВГИКе, где я с 1944 года работаю по сей день, Шукшин произвел на меня неизгладимое впечатление. Прежде всего тем, что напомним мне всем своим облик молодого Фадеева... Даже одежда была та же. Гимнастерка, перетянутая ремнем, галифе. Хотя он по возрасту был моложе ребят военного поколения. По сравнению с ними он был мальчик. Но то, что он именно в таком виде предстал, со своим даже несколько, если можно так сказать, сельским максимализмом, произвело на всех нас сильное впечатление. Он вселял интерес в нас... Он был уже коммунист в те годы... И на собраниях его выступления были остры, интересны и по-партийному честны.

«Он был скромнее, — сказал Герасимов, — но его скромность была непростой. Она включала элемент самокритики. Он умел смотреть на себя со стороны.

«У него было совершенно святое отноше-

ние к книге, — рассказывал Герасимов, — Как у Горького...

«Здоровье у него было плохое, — говорил Герасимов. — Но он, как всякий настоящий мужчина, не говорил об этом, преодолевал физическое недомогание молча...

«Шукшин рос непрерывно. Я не знаю момента в его жизни, когда бы он, по моим наблюдениям, находился в состоянии нравственной паузы. Этого не было никогда. Он углублял собственное мироощущение... Он вырабатывал в себе вот эту огромную заинтересованность миром уже как профессионал, как литератор... Он старался быть внутри жизни... Его все интересовало. И у него было поразительное трудолюбие... Он понимал, что для того, чтобы писать, надо писать. А не только обещать писать. И он писал. До последнего дня своей жизни...

ЮРИЙ НИКУЛИН встретился с Шукшиным впервые в деревне Мамонтовка, под Москвой, на съемках фильма «Когда деревья были большими». Шукшин играл роль небольшую — председателя колхоза. Играл точно и просто.

«Мы с ним тогда особенно не сошлись, — рассказывал Никулин. — Он мне запомнился нелюдимым, хмурым и замкнутым. От первых с ним встреч у многих такое было впечатление. Ну, а потом... Потом у меня было открытие Шукшина... Тоже, как у многих... «Так получилось, — рассказывал Никулин, — что мы встретились и расстались с Василием Макаровичем во время съемок фильма. Расстались на фильме, который сегодня досматривается. Без Шукшина. Подобрали, правда, дублера, актер из Ленинграда — фигура шукшинская, походка... Я его как увидел со стороны, в гимнастерке Василиной, с дырочкой на гимнастерке, походил. Похож... Но не Вася... Шукшин был редчайше самобытным человеком, — рассказывал Юрий Владимирович Никулин. — Во всем — и во внешности, и в манере говорить — разговор с ним никогда не шел впустую, и, самое главное, в манере мышления, восприятия мира... Он очень любил песни. Когда пели песни, он приходил слушать и напевал сам. А наши кадры на теплоходе, где жила съемочная группа «Мосфильма», были рядом... Я часто слушал, как он сам напевал...

«Когда у него решились все вопросы по съемке фильма о Степане Разине и он вернулся из Москвы такой веселый и энергичный, мы однажды поздно вечером, после именин одного нашего товарища, подошли к Василиной кате и зашли: «Из-за острова на стрежень...» А? Нет, сам Шукшин на именины не ходил... Видите ли, он много лет не позволял себе ни грамма спиртного. Он много пил кофе... Они со своим другом Бурковым, казалось, только на кофе и живут. И сигареты. Но главное, в чем он себя не щадил, так это в работе. Он трудно сражался за свое дело. Его ведь не всегда понимали... Он говорил: «Те, кого ласкают, долго живут». А его не ласкали. Да он бы этого и не выдержал...

«Такое дело: перед встречей у Шолохова, которая была у нашей съемочной группы, мы купили в станичном магазине по книге Михаила Александровича. И Шукшин, конечно. Когда встретились с Михаилом Александровичем, говорим: сделайте нам памятные надписи, Михаил Александрович. «Не буду я ничего писать, — сказал Шолохов. — Не могу. Вы хорошие люди, и я должен подумать, что написать, чтобы толково было...»

«А потом, — сказал Никулин, — я купил уже книгу Шукшина — «Беседы при ясной луне». Говорю, напиши, Вася, Никулину, мол, на память... А он отвечает: «Что ты, Юра, умирать мы, что ли, собираемся? Только работать начали...»

«И не написал? Написал... Я настаивал. «Недавно дочек его в цирк к себе водил, — проговорил Никулин. — Я Васе давно обещал. В первом ряду они сидели... Смеялись, замечал... Маленькие еще...»

Смерть бессильна перечеркнуть то, что сделал Василий Шукшин. Но смерть оказалась всемогущей, перечеркнув все, что он мог еще сделать.

Г. БОЧАРОВ.